

На правах рукописи

Землянская Ксения Александровна

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ
ВЕНЕДИКТА МАРТА**

*Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ярославль – 2025

Работа выполнена на кафедре литературы и мировой художественной культуры филологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет».

Научный руководитель: **Забияко Анна Анатольевна**
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет», г. Благовещенск.

Официальные оппоненты: **Капинос Елена Владимировна**
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск.

Кириллова Елена Олеговна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «**Благовещенский государственный педагогический университет**», г. Благовещенск.

Защита состоится 23 октября 2025 года в 14:00 на заседании диссертационного совета 33.2.028.03 при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1, ауд. 315 (Зал Г. Г. Мельниченко).

Отзывы об автореферате направлять по адресу: 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, диссертационный совет 33.2.028.03 (ученый секретарь).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1, а также на сайте <http://yspu.org/>.

Автореферат разослан _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических
наук, доцент

Разумов Роман
Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено изучению художественно-этнографической части литературного наследия дальневосточного писателя Венедикта Марта.

Венедикт Март (Венедикт Николаевич Матвеев, 1896, Владивосток – 1937, Киев) разделил судьбу многих представителей своего талантливого поколения: детские и юношеские годы на далекой окраине Российской империи, участие в бурных культурных и литературных процессах Владивостока 1920-х гг., постреволюционная недолгая эмиграция в Китай, затем – попытка встроиться в советскую литературу, расстрел. Сегодня богатое и разнообразное по своим художественным ориентациям творческое наследие Венедикта Марта начинает возвращаться российскому читателю; поклонниками его творчества и исследователями (в частности, сотрудниками Центра изучения дальневосточной эмиграции) публикуются найденные в разных архивах страны художественные и публицистические произведения В. Марта.

Творческий путь В. Марта можно разделить на 3 этапа.

1. **Владивостокский** (1915–1920 гг.). Это период становления В. Марта как художника слова: его общение с приморскими краеведами и востоковедами (в первую очередь, с отцом и его кругом), увлечение модернизмом в комплексе его постсимволистских художественных установок, поездка в Японию, первые опыты переводов восточной литературы и собственных стилизаций.

2. **Эмигрантский** (Харбин, конец 1920–1923 гг.). В. Март оказывается в среде русского Харбина и одновременно – в гуще народной китайской жизни. С одной стороны – растерянность от постреволюционных событий, стремление выжить, поденная работа в «желтой» прессе. С другой стороны – бесценный опыт самостоятельных этнографических наблюдений за жизнью китайцев и простых русских харбинцев.

3. **Советский** (Москва – Ленинград – Саратов – Киев, 1923–1937 гг.). Оказавшись в Советской России, Март пытается встроиться в новые социально-политические обстоятельства и одновременно использовать богатый художественный и этнографический материал. Общается с «Серапионовыми братьями», пробует себя в востребованном жанре этнографического рассказа.

Для каждого из этих этапов характерно преобладание определенного художественно-эстетического начала и тяготение к определенному способу выражения (в раннем периоде – к лирическому стихотворению; в период Харбина – к «физиологическому очерку» и публицистической заметке, в советский период – к рассказу и новелле). Однако неизменным для писателя остается интерес к художественному познанию народов Дальнего Востока, их традициям и обычаям, религиозным практикам. Литература такого рода давно привлекает внимание исследователей, в разные годы дававших направлению разные именования: «этнографические рассказы» (П.В. Шкуркин), «популярный обзор путешествий» (В.К. Арсеньев), «краеведческое направление в литературе» (Советский энциклопедический словарь), «поэтический этнографизм» (Е.Н. Эртнер), «этнографическая проза» / «этнографическое повествование» (А.Л. Фокеев), «географическая проза» (Ю.А. Яроцкая), «литературный этнографизм» («этнографизм русского литературного процесса») (Н.И. Тагаева), «этнокультурография» (В.А. Личковых), «изображение инонациональных явлений жизни и нерусского этнопсихологического образа» (Л.Н. Сарбаш) и др.

В фокусе произведений В. Марта, которые стали объектом нашего исследования – народы Дальнего Востока, их традиции и обычаи, религиозные взгляды, ритуалы и практики. Поэтому в нашей работе для определения этой части художественного творчества В. Марта мы используем понятие «художественная этнография», которое определяет «художественное освоение автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса, населяющих определенные географические пространства»¹. Художественная этнография вмещает «личный опыт писателя, вступившего в общение с инокультурой и пытающегося осознать плоды этого взаимодействия сквозь призму своего исследовательского и художественного мировидения»². Истоки художественной этнографии лежат в сфере научной этнографии. В данном случае, как подчеркивает А.А. Забияко, литература в своей познавательной функции и наука вступают в равноправный диалог, работая на одну цель – постижение и запечатление жизни народов. В художественной этнографии тесно переплетены этнографические наблюдения и закономерности организации художественного текста. «Художественное освоение предполагает “олитературирование” фактического материала вымыслом, художественной условностью, поэтическим слогом, авантюрной сюжетикой, особыми повествовательными стратегиями. Соотношение двух начал (научного и художественного) может балансировать в ту или иную сторону – в зависимости от установки и предпочтений автора, рождая разнообразные жанрово-стилевые формы»³.

Уникальное географическое расположение, особенности природы и ландшафта, многообразие народов и культур Дальнего Востока вдохновили отважных путешественников не только на подвиги во славу Отечества, но и на художественное творчество. Во второй половине XIX в. на Дальний Восток отправляются путешественники и многочисленные научные экспедиции, которые сначала с научной, а потом и с художественной стороны фиксируют особенности быта, повседневной жизни пришлого и аборигенного населения неизведанного края. В поступательном развитии художественно-этнографического начала в литературе В. Март выступает верным последователем тех авторов, что стояли у истоков дальневосточной литературы и пришли в нее, как правило, из науки – речь идет о С.В. Максимове, А.Я. Максимове, Н.М. Пржевальском, А.В. Елисееве, В.К. Арсеньеве, П.В. Шкуркине, Н.А. Байкове.

Литература Дальнего Востока неразрывно связана с понятием дальневосточного фронтира – контактной зоны в тихоокеанском регионе, где встречаются разнообразные народы и их культуры, формируется особый тип ментальности. Ментальность дальневосточного фронтира – «духовная формация,

¹ Забияко А.А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 1920–1940 гг.) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. – Благовещенск, 2012. – С. 181.

² Забияко А.А. Становление художественной этнографии Владислава Лецика // Лосевские чтения. – Благовещенск, 2011. – С. 87.

³ Забияко А.А. Художественная этнография первой половины XX в.: российский Дальний Восток и Маньчжурия // Рубеж. – Владивосток, 2020. – № 14(876). – С. 307.

выражающая идеино-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья¹. В начале XX в. произведения художественно-этнографической направленности становятся востребованными среди читателей, особенный интерес вызывают произведения, обращенные к Дальнему Востоку, условиям дальневосточного фронтира, народам, населяющим порубежные территории, их обычаям, традициям и ментальным особенностям.

К началу творчества В. Марта в художественной этнографии Дальнего Востока, создаваемой уже на протяжении более полстолетия в творчестве В.К. Арсеньева, Н.А. Байкова, П.В. Шкуркина, и в том числе, отца писателя, Н.П. Матвеева (Амурского), воплотились самые разные художественные ориентиры авторов и жанровые предпочтения. Венедикт Март развивал это направление в уникальных, присущих его художественному сознанию тематико-образных и жанрово-стилистических формах.

В русской литературоведческой науке до сих пор нет одной устоявшейся концепции в отношении понятия «жанр». В диссертации вслед за В.В. Кожиновым мы будем понимать под жанром «целостную систему особенностей сюжета, композиции, художественной речи, ритма повествования, самый способ материального существования»² произведения.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена интересом современной филологической науки к явлению художественного этнографизма в литературе, его воплощению в дальневосточном эмигрантском и советском текстах; определена вниманием современного литературоведения к методологическим аспектам изучения текстов художественно-этнографической направленности в тематико-сюжетном, жанрово-стилистическом и рецептивном аспектах.

С конца 1990-х гг. начинается исследование литературы восточной ветви русской эмиграции. Венедикт Март, который недолгое время (в начале 1920-х гг.) проживал в Харбине, но потом продолжил свой творческий путь в Советской России, нельзя в буквальном смысле назвать писателем-эмигрантом, но важно понимать, что харбинский этап его творчества внес определенный вклад в развитие литературы дальневосточного зарубежья в ее начальном развитии, а судьба, творческие поиски формировались в контексте политического и культурного слома эпохи, революционных изменений в России, смены эстетических парадигм.

В советской литературе 1920–1930-х гг. Венедикт Март имел репутацию знатока Востока. Проза и поэзия писателя дает яркие образцы произведений, в которых писатель художественно осмысляет дальневосточную фронтальную реальность первых десятилетий XX в., культуру и быт самых разных народов Дальнего Востока, при этом стремится экспериментировать в жанровом и языковом ключе. В отношении творческого пути писателя до сих пор существует множество «темных мест», многие его произведения не известны

¹ Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронтира: этнический опыт XVII – начала XX вв. // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. – Благовещенск, 2009. – С. 10.

² Кожинов В.В. Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. – Москва, 1963. – С. 121.

исследователям либо вовсе потеряны. Анализ поэтических и прозаических произведений Венедикта Марта этнографической направленности позволит определить своеобразие художественного освоения автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта китайцев, японцев, корейцев и гольдов; определить место Венедикта Марта в отечественной литературе, осмыслить пути влияния социально-политических, этнокультурных и этнорелигиозных трансформаций первых десятилетий XIX в. на выбор тем, образов, мотивов, жанровых форм художественно-этнографических произведений писателя.

Степень научной разработанности проблемы исследования.

Историко-литературный контекст советской эпохи, дискуссии в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта» изучались с опорой на работы М.О. Чудаковой, Н.В. Корниенко и результаты коллективных монографий сотрудников ИМЛИ РАН.

В работах научного коллектива Института филологии СО РАН (Е.В. Капинос, Е.Ю. Куликовой и др.) осуществляется изучение влияния культуры Востока на творчество дальневосточных писателей.

В работе используются исследования китаеведов, индологов, востоковедов. Этнография Китая, китайская ментальность изучались с опорой на работы С.Г. Георгиевского, И.Г. Баранова, В.В. Малявина, В.Я. Сидихменова, В.П. Васильева, Н.А. Спешнева, В.Г. Бурова, Ли Иннань, Тань Аошуан и др. Традиции и обычаи японцев изучались с опорой на труды Э. фон Гессе-Вартега, М. Федорова, А.Ф. Прасола и др. Обряды перехода, религиозные и повседневные традиции гольдов изучались с опорой на труды П.П. Шимкевича, И.А. Лопатина, Л.Я. Штернберга и др.

Биография В. Марта в контексте жизнеописания семьи Матвеевых исследуется с опорой на работы Б. Дьяченко, В.П. Евтушенко, А.А. Хисамутдинова, К.Н. Зиловой, Е.О. Кирилловой, В. Авченко, Т. Ёкото Мураками. Биографический контекст творчества В. Марта реконструирован А.А. Забияко, А. Устиновым, К. Львовым, М. Тесли, Н.П. Гребенюковой. Творчество Марта в контексте развития футуризма на Дальнем Востоке рассмотрено А. Крусановым, Е.О. Кирилловой, В. Катеринич, Н.В. Давитадзе, Е.А. Макаровой, Л. Иващенко, В.Г. Пузыревым. Творчество В. Марта в контексте развития литературы дальневосточного зарубежья затронуто в работах В.В. Агеносова, А.А. Забияко, Юньмэй Цзан, Е.Е. Жариковой и др. Творчество В. Марта советского периода исследуется в работах А.А. Забияко, К.А. Землянской, А.А. Левченко, И.А. Дябкина и Е.А. Денисовой. Отдельные аспекты художественной этнографии В. Марта рассматриваются в статьях А.А. Забияко и А.А. Левченко. Образ Японии в прозе и поэзии В. Марта затронут в статьях А.М. Сулейменовой.

Теоретико-методологическая база исследования.

Художественно-этнографическое направление в русской литературе XIX – первой половине XX в. сквозь призму регионального и общероссийского контекстов, жанровой манеры и способов организации повествования исследуется Е.Н. Эртнер, А.Л. Фокеевым и др. Понятие *художественная этнография* разработано в статьях и монографиях А.А. Забияко. Лирический способ создания художественной этнографии – *поэтический этнографизм* – определен в публикациях О.Е. Цмыкал. Концептуально важным для исследования является разработка понятий *дальневосточный фронтier, порубежье* А.П. Забияко. Имагологические аспекты изучения образов восприятия опираются на

исследования образов взаимовосприятия русских и китайцев, специфики их этнического сознания Ли Иннань, Д.А. Владимировой, В.И. Исаченко. Специфика образа восприятия инокультуры в литературе («образа художественного восприятия») исследуется с опорой на работы Е.В. Сениной, корреспондирующие с разработкой понятия «культурный образ» Д.-А. Пажо.

Проблема литературных жанров рассмотрена с опорой на работы В.М. Головко, В.И. Тюпы, И.Н. Сухих, В.В. Кожинова и др.

Методология литературоведческого анализа базируется на работах О.И. Федотова, М.Л. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, Е.Г. Эткинда, В.Я. Задорновой, В.И. Тюпы и др.

Объектом диссертационного исследования выступает художественная этнография Венедикта Марта.

Предмет диссертационного исследования – тематико-сюжетные и жанрово-стилистические основы формирования художественной этнографии Венедикта Марта.

Эмпирическим материалом диссертационного исследования послужили художественные, очерковые, публицистические тексты Венедикта Марта 1910–1930-х гг. художественно-этнографической направленности, многочисленные архивные публикации о писателе во владивостокской и харбинской периодике.

Цель диссертационного исследования – выявить и исследовать тематико-сюжетные и жанрово-стилистические источники формирования и способы воплощения художественной этнографии Венедикта Марта в диахроническом аспекте.

Задачи диссертационного исследования:

- 1) определить роль социокультурного, этнокультурного и литературного контекста в формировании художественной этнографии В. Марта 1910–1930-х гг. (Владивосток, Харбин, Советский Союз);
- 2) исследовать художественные способы воплощения образов восприятия инокультуры (Китая и китайцев, Японии и японцев, малых народов Дальнего Востока и др.) в творчестве В. Марта в диахроническом аспекте;
- 3) исследовать родо-жанровое, идейно-тематическое и стилистическое своеобразие художественной этнографии В. Марта в диахроническом аспекте его творчества.

В ходе решения этих задач осуществлялась проверка исходной **гипотезы исследования**. Её основу составляет тезис о том, что на развитие художественной этнографии Венедикта Марта влияли социокультурный, этнокультурный и литературный контексты его творчества, его этнические установки и опыт общения с народами Дальнего Востока, генезис его художественных ориентиров. Эти факторы формировали художественные образы восприятия инокультуры, которые воплощались в соответствующих родо-жанровых, сюжетно-тематических и стилистических формах.

Научная новизна диссертационного исследования определяется:

- 1) введением в научный оборот корпуса новых художественных, очерковых, публицистических текстов Венедикта Марта, многочисленных архивных публикаций о писателе во владивостокской и харбинской периодике, собранных в результате научных командировок в архивы г. Хабаровска, г. Владивостока, г. Москвы;
- 2) детальной реконструкцией историко-культурного, историко-литературного

- и биографического контекста формирования художественной этнографии В. Марта во владивостокский, эмигрантский и советский периоды;
- 3) выявлением установок и художественных средств, формирующих художественный образ восприятия Китая и китайцев, Японии и японцев, малых народов Дальнего Востока в творчестве В. Марта в диахроническом аспекте;
 - 4) целостным исследованием художественной этнографии Венедикта Марта в родо-жанровом, сюжетно-тематическом и стилистическом аспектах, выявлением художественных приемов воплощения этнографических интенций В. Марта в соответствии с его литературной эволюцией и существующим социальным заказом.

Личный вклад автора при подготовке диссертации.

В результате многочисленных научных командировок в архивы г. Москвы, г. Владивостока, г. Хабаровска, работы с личным архивом брата Венедикта Марта Н.Н. Матвеева-Бодрого, хранящимся в фондах Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова, были найдены неизвестные ранее публикации писателя и рецензии на его произведения во владивостокской и харбинской прессе. Автор самостоятельно провел подбор и анализ научной литературы по теме диссертации. Совместно с научным руководителем сформулировал цель и задачи исследования. Самостоятельно провел отбор и анализ публикаций Венедикта Марта художественно-этнографической направленности, подготовку и написание публикаций по теме исследования. Автором проведено целостное исследование художественно-этнографического корпуса произведений Венедикта Марта в родо-жанровом, сюжетно-тематическом и стилистическом аспектах, выявлены художественные приемы воплощения этнографических интенций Венедикта Марта в соответствии с его литературной эволюцией и существующим социальным заказом. Совместно с научным руководителем обобщены результаты исследований, сформулированы научные выводы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается:

- в расширении эмпирической базы обоснования понятий *художественная этнография, образ восприятия, поэтический этнографизм*;
- в выявлении и исследовании приемов создания художественной этнографии;
- в определении обусловленности жанровых и стилистических модификаций произведений художественной этнографии социально-политическими, этнокультурными и историко-литературными обстоятельствами развития литературного процесса.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается:

- во введении в научный оборот неизвестных произведений Венедикта Марта художественно-этнографической направленности, писем писателя, которые раскрывают художественный замысел его произведений, рецензий на его произведения во владивостокской и харбинской прессе;
- в использовании результатов исследования при чтении курсов о литературе Дальнего Востока, дальневосточной эмиграции и литературе советского периода;
- в возможности публикации ранее неизвестных произведений Венедикта Марта в составе коллективных хрестоматий и собрания сочинений писателя

и популяризации творчества ранее малоизвестного советской литературе писателя, в пополнении архива «Центра изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета;

– во внедрении научных результатов в виде научных статей, докладов на конференциях, в публикации монографии по теме исследования.

Методы исследования. Исследование опирается на биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, структурно-семантический методы, метод источниковедческого анализа, метод мифологических реконструкций.

Обоснованность и достоверность научных результатов исследования.

Обоснованность и достоверность результатов исследования базируется на анализе максимально полного корпуса источников по теме исследования, строгом следовании методологическим основам исследования при анализе эмпирического материала, опирается на апробированные в российском литературоведении теории и концепции, которые соответствуют объекту, предмету, цели и задачам исследования. Результаты исследования были апробированы на многочисленных научных и научно-практических конференциях различного уровня, получили положительную оценку участников конференций. Научные результаты исследования опубликованы в рецензируемых журналах, прошли оценку экспертов-литературоведов.

Положения, выносимые на защиту:

1. В корпусе прозы и поэзии Венедикта Марта произведения художественно-этнографической направленности занимают доминирующее место, их хронология охватывает период от самых ранних произведений писателя до финала его жизненного и творческого пути. Многие из них до сих пор не опубликованы, хранятся в архивах и частных коллекциях. Целостный анализ всего доступного корпуса художественно-этнографических произведений В. Марта отражает внешний историко-литературный контекст развития русской литературы, этнографического направления в ней в 1910–1930-х гг. и индивидуальное становление В. Марта как мастера художественной этнографии.

2. Истоки формирования художественной этнографии В. Марта связаны с особенностями развития Владивостока как многонационального города, с личным опытом этнокультурного общения писателя в среде китайских кварталов Владивостока, культурной домашней средой семьи Матвеевых, их этнографически ориентированного и революционно-настроенного окружения, творческими поэтическими поисками друзей и соратников писателя в атмосфере литературного Владивостока второй половины 1910-х гг. Этнокультурный опыт В. Марта, формируемый под влиянием отца и на основе собственной эмпирики, обогащает писателя тематически, он изнутри постигает китайскую культуру сквозь призму повседневной религиозности. Творчество футуристов стимулирует искания писателя владивостокского периода в области формы, жанра и языка.

3. Образ восприятия Китая и китайцев в художественной этнографии В. Марта раннего периода находит отражение как в прозе, так и лирике. Оккциональный опыт жанра *песенцев* позволил В. Марту передать мировоззрение китайца сквозь призму его повседневного быта в формах русской классической поэзии. В прозе образ восприятия китайской культуры складывается с помощью металитературной рецепции – В. Март создает рассказы в стиле китайской «новеллы о необычайном» и китайской были, сочетая этнографическое содержание с модернистскими опытами в области языка.

4. Металитературная рецепция становится ведущей в формировании образа восприятия Японии и японцев в ранний период творчества В. Марта. В пору модернистских поисков для писателя в осмыслиении японской темы становятся органичными отдельные жанры классической японской литературы – танка, хокку, дзуйхицу, кайдан. В. Март чутко реагирует на изменения в современной ему японской литературе, в которой происходит модернизация классических жанров, сопрягая интерес к Востоку с пристальным вниманием к художественным открытиям русской литературы начала XX в. Освоение японской жанровой системы, осознание эстетики японского взгляда на мир и его постижение средствами художественной литературы становятся для писателя способом вживания в мир чужой культуры и формирования собственного стиля.

5. Харбин начала 1920-х гг. был благоприятным местом для познания и художественной рецепции чужой культуры. Окружающая русскоязычная среда, зарождающееся творческое литературное окружение, повседневное общение с китайским населением, собственное знание разговорного китайского языка и культурных традиций китайского народа, маргинальный образ жизни писателя, работа журналистом в харбинских газетах определили вектор творческих поисков В. Марта в сторону «низовой культуры», спровоцировали соответствующие изменения в художественном языке.

6. В эмигрантский период интерес к жизни и быту «маленького» человека становится доминантой художественно-этнографического начала в творчестве В. Марта. В эти годы он нарабатывает опыт в жанре физиологического очерка с этнографической основой, которая является результатом его собственного эмпирического исследования. Циклизация, рамочная композиция, игра повествовательными стратегиями, сугубый натурализм описаний, сравнение китайских традиций с русскими аналогами призваны стимулировать интерес харбинского обывателя к тексту.

7. Возвращение в Советский Союз с семьей совпало с поисками писателя нового слова, новой стилистики, новых форм дискурсивного выражения, а также с периодом острых дискуссий в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта». В. Марту удается занять пустующую нишу «востоковеда» в советской литературе. Писатель пытается встроиться в «восточный» идеологический вектор взрастающей литературы СССР в середине 1920-х гг., который направлен, в первую очередь, в сторону политической жизни Китая. В 1930-е гг. в связи с охлаждением отношений СССР с Китаем и увеличением интереса к коренным народам Дальнего Востока В. Март в своем творчестве переориентируется на художественное постижение традиций и обычаяев гольдов.

8. Художественная этнография революционного Востока в советский период выстраивается В. Мартом в жанре очерка, рассказа, были. Писатель ясно осознает политическую заданность собственных текстов, их фактографизм, ориентированность на злобу дня. В. Март использует про-революционную трансформацию мифологических сюжетов: усечение исконного сюжета, его политически-ангажированную интерпретацию; контаминацию разных мифологических сюжетов, упрощенные лингво-, этнокультурные, мифологические комментарии. Наряду с мифологическими и литературными аллюзиями писатель обогащает свое былевое повествование, усиливая тем самым эффект этнографической достоверности.

9. Ослабление интереса к восточной тематике в связи с изменением исторического курса официальной власти по отношению к Востоку и ее внимание к коренным народам Сибири и Дальнего Востока, законодательные попытки встроить их в построение коммунистического будущего стимулировали интерес В. Марта к художественному постижению культуры, быта и обычаяев малых народов. В рассказе «Дэрэ – водяная свадьба» он художественно переосмыслияет обрядовые практики перехода, показывает, что новый человек туземного происхождения, необходимый молодому советскому государству, утрачивает или видоизменяет собственные традиции в соответствии с требованиями времени. Рассказ о малознакомом ему народе В. Март выстраивает по моделям построения русской народной волшебной сказки в социально-политическом ключе.

10. Развитие художественной этнографии В. Марта шло от модернистской тяги к экзотизму, в том числе в «самовитом» слове, затем – к натурализму в цикле очерков «махрово-желтого сенсационного характера». В советский период «литература факта» и социально-политический заказ повлияли на тематико-образную и мотивную природу его художественной этнографии, но жанровая форма и язык былей не утратили художественности. В последний период творчества художественная этнография писателя тяготеет к неомифологии, писатель пытается транспонировать темы, сюжеты и образы китайской мифологии в современную ему социально-историческую реальность и художественную литературу.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в докладах на международных, межрегиональных, национальных научно-практических конференциях и семинарах: международном молодежном межкафедральном научно-практическом семинаре «Дальневосточный фронт: язык, религии, культура, литература» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2020, 2021, 2022, 2023 гг.), XIV международной научно-практической конференции «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: народы и культуры Северо-Восточного Китая» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 17–18 сентября 2020 г.), международном научном конгрессе «Современная наука, человек и цивилизация» (г. Грозный, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, 24–25 октября 2020 г.), VII международной научной конференции «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы» (г. Москва, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, 5–6 ноября 2020 г.), международной научной конференции «Россия и Китай: мысли о прошлом, взгляд в будущее» (г. Комсомольск-на-Амуре, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 16 декабря 2020 г.), всероссийской конференции «Наука о религии в России: от прошлого к будущему» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 20–21 ноября 2020 г.), всероссийской научной конференции «Х Крушиновские чтения: итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке» (г. Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1–3 июня 2021 г.), VIII международной научной конференции «Восточные чтения. Религии, культуры, литературы. Эволюция художественных систем в литературах Азии и Африки в Новое и Новейшее время» (г. Москва, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 11–12 ноября 2021 г.), научной конференции «Север как призвание: к 100-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк» (г. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, 7–8 декабря 2021 г.), международной

научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 30 июня – 2 июля 2022 г., 27–29 июня 2024 г.), международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум. К 150-летию А.Я. Гурова» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 21–25 сентября 2022 г.), международной научно-практической конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая» (г. Харбин (КНР), г. Владивосток, г. Москва (РФ), 28–30 октября 2022 г., 16–18 сентября 2024 г.), всероссийской научной конференции «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера» (г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН. Сектор литературоведения, 22–23 ноября 2021 г., 21–22 ноября 2022 г., 27–28 ноября 2023 г.), VI международной научно-практической конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур» (г. Москва, Московский государственный областной университет (МГОУ), кафедра восточных языков, 17 февраля 2023 г.), региональной научно-практической конференции «Лосевские чтения – 2023» (г. Благовещенск, Благовещенский государственный педагогический университет, кафедра русского языка и литературы, 21 февраля 2023 г.), научно-практической конференции (с международным участием) «Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона» (г. Благовещенск, Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенский государственный педагогический университет, 16–20 апреля 2023 г.), международной научной конференции «На сопках Маньчжурии: Дороги и судьбы русской эмиграции в Китае. К 125-летию начала строительства Китайско-Восточной железной дороги» (г. Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 15–16 мая 2023 г.), международной научной конференции, посвященной юбилею академика А.П. Деревянко «Археология и этнография дальневосточного фронтира» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 6–12 июля 2023 г.), международной научной конференции «Город Харбин и его роль в истории отношений Китая и России: к 125-летию Харбина» (Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, Благовещенский государственный педагогический университет, 23–28 сентября 2023 г.), международной научной конференции «Литературное произведение сквозь призму издательских процессов 1920–1930-х годов. Судьбы российской творческой интеллигенции в первые годы советской власти и издательство “Всемирная литература”» (г. Москва, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 11–13 октября 2023 г.), международной научно-практической конференции «Русская классическая и неклассическая литература: текст, контекст, рецепция», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Вениаминовича Агеносова (г. Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 23–25 ноября 2023 г.), международной научной конференции «Проблемы преемственности в словесном искусстве Серебряного века и Русского зарубежья» (VI Смирновские чтения) (г. Москва, Государственный университет просвещения, 8–9 февраля 2024 г.), XIV всероссийском съезде востоковедов «Поворот на Восток и российское востоковедение» (г. Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 23–26 сентября 2024 г.).

Соответствие паспорту специальности. Диссертация соответствует паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов

Российской Федерации (филологические науки): п. 4 – «История русской литературы XX века (1890–1920-е годы)»; п. 5 – «История русской советской литературы»; п. 7 – «История литературы русского зарубежья»; п. 10 – «Биография и творческий путь писателя»; п. 11 – «Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве»; п. 12 – «Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии».

Структура и основное содержание работы. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка (426 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование актуальности выбора темы, указывается степень изученности основных проблем, определены предмет и объект исследования, сформулированы цель и задачи диссертации, научная новизна исследования, описана методологическая база диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, описаны апробация работы и ее структура.

В первой главе **«Владивостокский период становления художественной этнографии Венедикта Марта: между модернизмом и этнографизмом»**, состоящей из трех параграфов, определяется генезис художественной этнографии Венедикта Марта раннего периода.

В первом параграфе **«Владивосток (1915–1920-е гг. XX в.): социокультурный, этнокультурный, литературный контексты формирования художественной этнографии В. Марта»** исследуется контекст становления Марта в многонациональном Владивостоке. В первые десятилетия XX в. дальневосточный город становится центром пересечения миграционных процессов, интерес к которым со стороны Российского государства побуждает организовать Общество по изучению Амурского края (ОИАК). Близкое сосуществование разных этносов, их культурное взаимодействие требовало квалифицированных специалистов-востоковедов. Именно на начало века пришло становление школы востоковедения на Дальнем Востоке.

Многоязычная этнокультурная атмосфера Владивостока начала XX в., революционный народнический и одновременно литературный настрой семьи, отцовское культурное окружение сформировали в писателе интерес к культуре и быту стран Дальнего Востока и стремление к художественному осмыслению традиций населяющих его народов. Богатая культурная и литературная атмосфера Владивостока способствовала футуристическому экспериментаторству Марта.

Во втором параграфе **«Образ восприятия Китая и китайцев в художественной этнографии Венедикта Марта владивостокского периода»** на материале ранних лирических и прозаических сборников и публикаций во владивостокской прессе рассмотрены приемы создания художественной этнографии. Для жанрового определения своих стихотворений Март создает окциональный жанр *песенцы*, в именовании которого, возможно, соединяет русское определение жанра *песня* и транскрибированное китайское слово 词 (cí), в одном из значений переводимое как «художественное слово, слова, сочинение,

произведение изящной словесности»¹. Оккциональная форма *песенцев* позволила Марту в форме лирического повествования передать мировоззрение китайца сквозь призму его повседневного быта. Его «китайские» стихи сюжетны, обладают песенным потенциалом, созданы с оглядкой на традиции русской классической поэзии, обращенной к народной жизни. Для лирических зарисовок на китайские темы Март выбирает классические русские размеры, ритмы, строфику и китайскую, иногда пиджинизированную лексику. При этом он всецело обращен в прошлое китайских традиций, продолжающих жить и в современности.

В 1920 г. Март публикует небольшой сборник «Тигровы чары», который объединяет в себе два рассказа («Лапа Мин-дзы», «Долг покойного») и одно стихотворение «Гадальщик». Все они объединены общей темой – ролью верований китайцев в их повседневной жизни. Постижение китайской культуры в прозе происходит у писателя через металитературную рецепцию – восприятие писателем традиции китайской литературы, создание образа восприятия литературы Китая (Е.В. Сенина). Март за образец своих прозаических рассказов берет классические китайские «новеллы о необычайном» (чуаньцы) с их очевидной литературностью в широком смысле слова, осознанностью авторского вымысла, линейным повествованием, ориентированностью на разговорную речь, весьма частыми стихотворными вставками, элементами бессюжетной «высокой» прозы. Следуя за символистами в их приверженности к ритмизированной прозе и словесной вязи, Март при этом не наполняет свой текст «сверхсмыслами» (А.А. Забияко).

Рассказ «Лапа Мин-дзы» воспроизводит мифологические представления китайцев о магических свойствах тигриной лапы, с помощью которой можно вытаскивать рыбы кости из горла. Жанр рассказа сведен с популярными китайскими былями, которые для русской аудитории ранее открыл И. Баранов. Так же, как и в этих былях, Март дробит художественное повествование на мелкие абзацы по одному-два предложения; отсылает к небольшой предыстории героя, но сосредоточен на рассказе о необычайном. На достоверный характер описываемых событий в произведении указывают разные детали, которыми писатель наполняет художественный текст. Март активно встраивает сюжет в контекст жизни Владивостока – исторический, культурный, торговый, социальный, бытовой, преступный.

В третьем параграфе «**Образ восприятия Японии и японцев в художественной этнографии Венедикта Марта владивостокского периода**» представлен образ восприятия Японии и японцев в раннем творчестве Венедикта Марта в контексте тотального увлечения писателей Серебряного века японской культурой и литературуой. Н.П. Матвеев был весьма популярен в японской писательской среде, он с детства прививал любовь к Японии, ее языку и культуре своим детям. Очевидно, что Венедикт Март пристально изучил жанровую систему японской литературы. При публикации собственных танка и хокку он добавляет лиризованные теоретические постулаты, касающиеся принципов японского стихосложения. Художественное постижение японской культуры также основано на металитературной рецепции – через переводы стихотворений

¹ 汉语字典新编 / 邓家智主编; 王朋副主编. 长沙, 1993. 页. 195 [Новый китайский словарь / Под ред. Дэн Цзячжи, Ван Пэн. Чанша, 1993. С. 195]. URL: <https://mzidian.qianp.com/zi/%E8%AF%8D> (дата обращения: 07.04.2024).

классических японских поэтов, стилизации к синтезу жанровых форм японской литературы с модернистскими находками русской литературы.

Первая попытка писать о Японии («Я хочу снега»), основанная на воспоминаниях отца-японофила, лишена характерного для японской литературы эмоционального состояния лирического героя, отражающего восхищение, смешанное с удивлением (моно-но аварэ), и больше похожа на стремление осмысливать повседневное впечатление туриста от экзотической страны. Уже после личного знакомства с Японией в 1918 г. Март напишет произведение «Токийские наброски. И – он!.. (под шум дождя)», которое в полной мере отразит принцип моно-но аварэ. По форме его можно отнести к традиционному японскому жанру дзуйхицу (яп. 隨筆, «вслед за кистью») – лирико-повествовательному рассуждению («писать так, как придется, писать то, что придет на ум: <...> мысли, сентенции, воспоминания, наблюдения, факты и т.д.» (Н.И. Конрад)). Для дзуйхицу главным является элемент «рассуждения», ему подчиняется все повествование (Т.П. Григорьева), «авторские эмоции чисто лирического порядка» воплощают его (Н.И. Конрад). Жанр дзуйхицу во многом отражает и философию мгновенности («Записки у изголовья» Сэй-сэнагон). Ведущим принципом здесь у В. Марта становится монтажный принцип композиции и спонтанность художественной рефлексии, обращенной на самого субъекта творчества.

Дальнейшим осмыслиением жанра дзуйхицу становится публикация В. Марта «Лепестки Сакуры (Танка и Хокку)» в приморской газете «Эхо» (под псевдонимом В. Трам). С одной стороны, это лиризованный рассказ о периоде цветения сакуры в Японии. С другой – лирическая миниатюра о любовном томлении желтоликого юноши, которому цветущая сакура закрыла обзор на окно возлюбленной Синобе. Прозаическое повествование прерывается вкраплениями танка и хокку.

В 1919 г. писатель напишет произведение о японском водяном – Каппе. Повествование об этом персонаже японского фольклора Март воплотит в популярной в Японии фольклорно-мифологической разновидности жанра кайдана – повествовании о сверхъестественном или необычайном. Характерными особенностями жанра кайдана, помимо включения повествования о встрече с мифологическим существом, является введение реального исторического времени и географического пространства, отчуждение рассказчика от читателя (Г.Б. Дуткина). Металитературная рецепция сопряжена в «Каппе» с модернистскими поисками самого Марта в области художественного языка, здесь Март «проявляет себя как мастер орнаментальной прозы – продолжатель традиций Ремизова и Белого» (А.А. Забияко).

Выбор японских жанровых форм был художественно близок творческим поискам Венедикта Марта. Интерес к восточной культуре, ее традициям соединен у писателя с пристальным вниманием к сфере повседневного. Выражением этого интереса на «японском» материале стал рассказ «Почтовая марка».

Во второй главе «**Эмигрантский период: между натурализмом и этнографизмом**», включающей два параграфа, последовательно выявляются трансформации родо-жанровых, идеино-тематических и стилистических аспектов художественно-этнографических публикаций В. Марта харбинского периода.

В первом параграфе «**Харбин начала 1920-х гг.: социокультурный, этнокультурный, литературный контексты развития художественной этнографии В. Марта**» рассмотрена атмосфера Харбина начала 1920-х гг., в которой оказался Март, когда покинул с семьей Владивосток. В самом начале

1920-х гг. Харбин только начинает принимать тех, кто не принял большевиков и советскую власть. В те годы в Харбине еще не было создано литературно-художественной среды, где мог «спастись» от пагубного пристрастия талантливый писатель. Март бедствует, берется за любую работу, способную принести деньги, продолжает посещать морфинолавки и опиумокурильни. Такой специфический образ жизни позволил Марту увидеть ту повседневную «темную» сторону жизни китайских харбинцев, о которой русские эмигранты только догадывались.

При этом эмигрантский период творчества Венедикта Марта – наиболее плодотворное время для него в отношении накопления этнографического опыта и свободы творчества. Он выпускает новые поэтические сборники (сб. «Синий благовест. Россия без “Ъ”» (1921), «Истории моей смерти. Три солнца» (1921), «Благословенный город» (1922)), переиздает старые (например, «Песенцы» (1922)), публикует сборник переводов китайской поэзии (сб. «Луна» (1922)), объединяет под одной обложкой прозаические опыты прошлых лет (сб. «На любовных перекрестках причуды»). Март активно публикуется в периодической печати (в газетах «Вперед», «Заря», «Русский голос», «Харбинское время», «Свет», журнале «Окно» и др.). Богатая журналистская практика почти во всех периодических изданиях Харбина и собственный опыт бродяжнической жизни определили содержание и форму его художественно-этнографических публикаций в харбинской прессе, изменения в художественном языке.

Во втором параграфе **«Родо-жанровые, идеино-тематические и стилистические аспекты художественно-этнографических публикаций В. Марта»** на материале цикла очерков «Желтые рабыни» (1923) исследуется тематика и поэтика художественно-этнографических публикаций Марта в эмигрантский период. В этом цикле писатель погружается в сложную, но волнующую читателя «желтой газеты» тему китайской проституции, способов вовлечения в эту сферу простых горожан, пути пополнения харбинских домов любви. Март открывает харбинскому обывателю завесу потайной стороны повседневной бытовой культуры Китая. В цикле «Желтые рабыни» ярко изображена «темная» сторона городской жизни в русле натуральной школы. Обширное количество этнографических фактов, вплетенных Мартом в структуру цикла очерков, позволило ему не только заинтересовать, а где-то и шокировать рядового русского эмигранта, но и поставить перед ним философские вопросы о ценности/брэнности человеческой жизни, разложении семейных уз, познакомить с базовыми этническими установками китайского сознания. Ставя перед собой задачи представить в определенном смысле исследовательский опыт, Март «высушивает» свой язык, подстраивая его под специфику изображаемого материала. Этнографические факты становятся все обширнее, именно они организуют пространство очерка.

Очерки из цикла «Желтые рабыни» довольно близки к китайской документальной очерковой литературе (жанру *баогао вэнъясюэ*). Март синтезирует различные жанры, проводит жанровый эксперимент (А.А. Левченко, А.А. Забияко). Это не только этнографическое повествование, но и аналитическое осмысление изображаемого. Очерковая достоверность, присущая жанру, реализуется через многочисленные упоминания географических мест, детальность в указании цен на живой товар, упоминаний имен реальных лиц и событий. С точки зрения стилистики, в очерке «Желтые рабыни» складывается сложная система координации голосов: голос автора-рассказчика, русского

эмигранта, допущенного к «тайнам» китайского быта, перемежается с голосом китайского проводника, носителя народного сознания, отсылками к предыдущим очеркам, постоянным сравнением элементов китайской действительности с русскими аналогами, вкраплением жизненных историй, иллюстрирующих быт желтых рабынь, речью «китайских красавиц», отрывками из тематически близких публикаций фудзядянских газет.

В третьей главе «Советский период развития художественной этнографии В. Марта: от «литературы факта» к неомифологизму», состоящей из трех параграфов, исследуется трансформация художественной этнографии Венедикта Марта советского периода в жанровом, идейно-тематическом и стилистическом аспектах под влиянием ведущей в тот период «литературы факта» и советской идеологической политики.

В первом параграфе «Москва – Ленинград – Саратов – Киев (1923–1937): социокультурный, этнокультурный, литературный контексты трансформации художественной этнографии В. Марта» рассмотрен «советский» контекст жизни и творчества писателя. В 1923 г., приехав из Китая в Советский Союз, Март надеялся стать востребованным именно как знаток Востока, о котором писали в Москве еще в его харбинскую бытность.

Поиски писателем нового слова, новой стилистики, новых форм дискурсивного выражения совпадают с периодом острых дискуссий в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта». Представители «литературы факта» уловили «величайшую потребность нашего времени и первые попытались уложить носившуюся в воздухе идею в несколько простых и, может быть, отпугивающих этой простотой положений, отрицающих вымысел»¹. Этнографическая копилка у Марта была, и она становится весьма востребованной. Несмотря на ироническую критику со стороны коллег по цеху, бывшему дальневосточнику удается занять пустующую нишу «востоковеда» в советской литературе.

В середине 1920-х гг. писатель встраивается в «восточный» идеологический вектор взрастающей литературы СССР, который направлен в сторону политической жизни Китая. В 1930-е гг., чувствуя охлаждение советской власти к китайской теме и обоснованное этим снижение количества запросов от журналов и газет на рассказы и очерки, основанные на азиатском материале, писатель с китайского направления переориентируется на тематику, связанную с малочисленными народами Дальнего Востока, чему способствует сама политика Советского государства в отношении аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока.

Во втором параграфе ««Революционный Восток» в художественной этнографии В. Марта советского периода» проанализирован неопубликованный сборник «Рассказы о Востоке» в источниковедческом, текстологическом, жанрово-стилистическом аспектах. Венедикт Март объединил ранее опубликованные в разных изданиях Советского Союза рассказы и были в единый сборник «Рассказы о Востоке», добавил к ним новые, используя при написании в основном типологические приемы, используемые в предыдущих публикациях советского периода: контаминацию традиционных мифологических сюжетов и революционных максим, транспозицию инокультурных реалий на российскую

¹ Литература факта: первый сборник материалов работников ЛЕФ-а. М., 1929. С. 9.

действительность, упрощенные лингво-, этнокультурные, мифологические комментарии. Сборник был скомпонован в начале 1930-х гг.; при этом не художественные огни, не проблемы с достоверностью этнографического материала стали причиной непринятия рукописи в печать. Фактографизм в изображении революционных событий в Китае и других странах конца 1920-х гг. сыграл роковую роль анахронизма для начала 1930-х гг., когда ситуация на Северо-Востоке и Юго-Востоке Азии резко изменилась. Этнографические «были» Марта, собранные воедино, стали убедительными «вредительскими» свидетельствами поражения революционного движения на Востоке и стратегических ошибок советской дипломатии в регионе.

В третьем параграфе **«Обращение к традициям малых народов СССР в художественной этнографии В. Марта»** исследован поворот художественной этнографии Венедикта Марта от темы Востока к изучению обычая малых народов Дальнего Востока.

В 1932 г. в Киеве Венедикт Март опубликовал рассказ из жизни гольдов «Дэрэ – водяная свадьба». В центре рассказа – переходная обрядность гольдов (нанайцев). Для советского читателя, совсем незнакомого с бытом и традициями коренных народов Дальнего Востока, гольды представлялись чем-то далеким, неведомым. Продуктивной жанровой моделью повествования становится русская народная волшебная сказка «на новый лад». Архетипические основы сказки, ее фольклорное начало импонируют читательскому сознанию, потому и становятся проводником художественности этнографического материала. В рассказе Март сохранил структуру и образную систему сказки. Есть смелый решительный молодой герой; есть красавая молодая влюбленная героиня, есть колдун, он же шаман. А самый обыденный для советской действительности предмет становится в описываемой ситуации волшебным – лодочный мотор уносит в счастливое будущее влюбленных героев от их врага-шамана. У читателей 1920–1930-х гг. образ шамана еще ассоциировался с колдуном – страшным человеком, сходным со сказочным Кощеем Бессмертным. Шаман хочет похитить невесту героя, а сам герой, пройдя ряд испытаний, в том числе соприкасаясь с потусторонним миром (= путешествуя в иной мир), спасает свою возлюбленную из плена шамана. В. Март не следует схематическому построению композиции сказки, для него важно соблости черты сказки, которые будут верно «прочитываться» его читателем: яркое противопоставление героя, пострадавшего от действий вредителя, и самого вредителя, сила чувств главного героя к героине, верность помощников и дарителей, вера героя в свои силы, сила волшебного предмета, дарованного советской действительностью, счастливый финал в русле советской идеологии. Март находит очень ловкую художественную форму сказки для своего, по сути, пролеткультовского очерка о переходной обрядности гольдов.

Герой рассказа освобождает себя от должного соблюдения вековых родовых устоев и устремляется к новому будущему, в котором хочет обрести семейное и человеческое счастье. Несмотря на то, что Венедикт Март пишет об отрицании религиозных обычаем и традиций новым поколением гольдов, рассказ является, по сути, этнографически скрупулезно зафиксированным сюжетом свадебного обряда гольдов.

Публикация рассказа пришлась на ту пору, когда советское правительство начало реализовывать политику правового равноправия в отношении малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и советского населения. В. Март намеренно соединил в рассказе элементы похоронной традиции разных

народов в единое художественное целое. Тем самым Март подводит читателя к мысли, что в традициях гольдов много схожего с традициями русского народа. Известно, что в дореволюционной литературе было расхожим мнение о примитивности «инородцев» – тунгусских народов – по сравнению с русским народом, но в русле новой политики такая позиция была невозможна. Писатель приближает читателя к мысли, что аборигенный народ так же самобытен, как и русский, и другие, но у него свои традиции, которые отличаются от привычных для советского читателя.

В **Заключении** отражены результаты исследования, основные выводы, указываются перспективы дальнейших исследований в области изучения творчества Венедикта Марта. Изучив развитие художественной этнографии Венедикта Марта в диахроническом аспекте, мы пришли к следующим выводам:

Рожденный в многонациональном Владивостоке, в культурно ориентированной семье, близко знакомой с традициями и обычаями стран Востока, сам имеющий непосредственный опыт этнокультурных контактов в лабиринтах китайских кварталов Владивостока, Венедикт Март уже в раннем творчестве художественно отражает культурные, религиозные, психологические установки, нравственно-этические нормы, особенности обустройства быта китайцев и японцев.

Постижение мировоззрения китайцев и китайской культуры в лирике владивостокского периода Венедиктом Мартом происходит в созданном им окказиональном жанре *песенцев*, но в формах классической русской поэзии, а в прозе – через восприятие литературной традиции китайской литературы (новеллы о необычайном, китайской были). Художественная этнография Венедикта Марта о Японии пронизана эстетикой моно-но аварэ и выражена в форме популярных классических японских жанров танка, хокку, кайдана, дзуйхицу. Для Марта становится нормой облекать восприятие инокультуры в жанровые формы воспринимаемой культуры, о которой он пишет, через металитературную рецепцию формируется его уникальный образ восприятия Японии и Китая.

Отсутствие культурной и литературной среды в Харбине начала 1920-х гг., маргинальность собственного существования и попытки найти свое место в общественной жизни русского Харбина способствовали развитию художественной этнографии Венедикта Марта, его интересу к китайской «низовой культуре». Описание Китая и китайцев стало основываться на личных впечатлениях автора от посещения злачных китайских районов Харбина. В цикле очерков «Желтые рабыни» Март проявил себя знатоком этнографической специфики китайской жизни. В этом цикле он объединил в единое целое ряд жанров, при ведущей роли физиологического очерка с этнографической основой, которая является результатом его собственного эмпирического исследования. Циклизация, рамочная композиция, игра повествовательными стратегиями, сугубый натурализм описаний, сравнение китайских традиций с русскими аналогами были призваны стимулировать интерес харбинского обывателя к тексту.

В советский период творческий вектор художественных исканий В. Марта движется по пути от «литературы факта» к неомифологизму. Целенаправленная политика советской власти в отношении популяризации этнографических знаний среди простого населения оказывается на руку В. Марту, для которого накопленный богатый китайский «багаж» становится фундаментом становления

«специалиста по Востоку». Публикуя многочисленные рассказы о революционном движении масс на Востоке в 1920-е гг., В. Март не смог опубликовать их в составе сборника «Рассказы о Востоке» в начале 1930-х гг. Этнографические «были» Марта, собранные воедино, стали убедительными «вредительскими» свидетельствами поражения революционного движения на Востоке и стратегических ошибок советской дипломатии в регионе.

В 1930-х гг., подстраиваясь под идеологическую парадигму, В. Март вынужден переключиться на изучение коренных народов Дальнего Востока. При публикации рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» В. Март сознательно выбирает для этого текста форму сказки, так как она очень органично воспринимается простым советским читателем. При написании рассказа В. Март не только пользовался материалами научных этнографических трудов, но и сознательно добавлял чуждые аборигеному народу элементы – например, элементы православного похоронного обряда, тем самым выполняя задачу «ороднения» инородцев, встраивания их в единую с русским народом культурную систему, а затем – в советское общество.

Основные положения диссертации отражены в 21 публикации автора (общий объем 16,635 п.л., личный вклад автора – 15,235 п.л.).

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Землянская К.А., Забияко А.А. «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 8–17. – DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-8-17 (1,1 п.л./0,5 п.л.).
2. Землянская, К.А. Тигриная мифология в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 1442–1448. – DOI: 10.30853/phil20250205 (1,085 п.л.).
3. Землянская, К.А. Образ китайского учителя в рассказе Венедикта Марта «Человек с шариком». – Текст : непосредственный // Культура и текст. – 2025. – № 2(61). – С. 193–209. – DOI: 10.37386/2305-4077-2025-2-193-209 (0,95 п.л.).

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ по другим научным специальностям

4. Землянская К.А. Легенды и мифы Дальнего Востока в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Русская словесность. – 2023. – № 4. – С. 46–57. – DOI: 10.47639/0868-9539_2023_4_46 (1,2 п.л.).
5. Землянская К.А., Дэн Голун. Образы восприятия эвенков в прозе дальневосточных писателей (Павел Васильев). – Текст : непосредственный // Русская словесность. – 2023. – № 4. – С. 71–80. – DOI: 10.47639/0868-9539_2023_4_71 (1 п.л./ 0,6 п.л.).

Статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования

6. Землянская К.А. Изучение религиозных обычаяев и традиций нанайцев в отечественной науке (дореволюционный контекст) и опыт их систематизации в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Религиоведение. – 2020. – № 4. – С. 137–147. – DOI: 10.22250/2072-

Публикации в других типах изданий

7. Землянская К.А. Похоронная обрядность гольдов в художественной этнографии В. Марта (на материале рассказа «Дэрэ – водяная свадьба»). – Текст : электронный // Новые российские гуманитарные исследования: материалы VII Международной научной конференции «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы» (г. Москва, ИМЛИ РАН, 5–6 ноября 2020 г.). – 2020. – Т. 20. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/2116/>. – 01.12.2020 (0,1 п.л.).
8. Землянская К.А. Свадебная обрядность гольдов в художественной этнографии Венедикта Марта (на материале рассказа «Дэрэ – водяная свадьба»). – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13: Народы и культуры Северо-Восточного Китая / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. – С. 304–313 (0,5 п.л.).
9. Землянская К.А. Образ Хай-шин-вэя (Владивосток) в художественном пространстве ранней прозы Венедикта Марта (на материале рассказа «Лапа Мин-дзы»). – Текст : непосредственный // Амурский научный вестник. – Комсомольск-на-Амуре, 2021. – № 1. – С. 40–46 (0,5 п.л.).
10. Землянская К.А. Традиционная жизнь коренных народов Дальнего Востока в 1930-е гг. в художественной этнографии В. Марта и П.Н. Васильева. – Текст : непосредственный // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2021. – С. 341–349 (0,7 п.л.).
11. Землянская К.А. «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8: Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2021. – С. 161–171 (0,6 п.л.).
12. Zemlyanskaya K.A., Guo Long Deng. Tungus percept image in the far east literary ethnography. – Текст : непосредственный // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – P. 1759–1765. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.233 (1,1 п.л. / 0,7 п.л.).
13. Землянская К.А. «Тигриная мифология» китайцев в художественной и научной этнографии Венедикта Марта. – Текст : электронный // Новые российские гуманитарные исследования: Материалы VIII международной научной конференции «Восточные чтения. Религии, культуры, литературы. Эволюция художественных систем в литературах Азии и Африки в Новое и Новейшее время» (г. Москва, ИМЛИ РАН. 11–12 ноября 2021 г.). – 2021. – Т. 16. – С. 152. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/2166/>. – 19.01.2022 (0,1 п.л.).
14. Zemlyanskaya K.A. Life and Traditions of “River People” in the Artistic Ethnography of Venedikt Mart. – Текст : непосредственный // Проблемы литератур Дальнего Востока: материалы X Международ. научной конф. (СПб., СПбГУ, 30 июня – 2 июля 2022 г.). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. – С. 66. (0,1 п.л.).
15. Землянская К.А. Образы представителей бродячих профессий в «китайских» произведениях Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 9: 125 лет начала строительства КВЖД. К юбилею профессора В.В. Агеносова: сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 231–240 (0,5 п.л.).

16. Землянская К.А. «Дно» Харбина в очерках «Синей Маски»: «Харбинские трущобы» В. Марта. – Текст : непосредственный // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14: сборник материалов международной научной конференции «Дальневосточный фронтir. Исторический форум» (г. Благовещенск, АмГУ, 21–25 сентября 2022 г.) / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 323–334. – DOI: 10.22250/9785934933990_323 (0,6 п.л.).
17. Землянская К.А. Похоронная обрядность китайцев в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Китайская цивилизация в диалоге культур: материалы VI Международной научно-практической конференции (г. Москва, 17 февраля 2023 г.) / отв. ред. М.П. Баева. – М.: Знание-М, 2023. – Вып. 4. – С. 85–91 (0,4 п.л.).
18. Землянская К.А. Праздничная культура Китая в художественной этнографии Венедикта Марта. – Текст : непосредственный // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 20-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области / Отв. ред. Д.П. Волков. – Благовещенск, 2023. – С. 28–32. – DOI: 10.34757/nasledieamur.2023.58.15.004 (0,5 п.л.).
19. Землянская К.А. Жанровая система «японских» произведений Венедикта Марта раннего периода. – Текст : непосредственный // Сюжетология и сюжетография. – 2024. – № 2. – С. 71–84. – DOI 10.25205/2713-3133-2024-2-71-84 (2,4 п.л.).
20. Землянская К.А. По злачным местам Харбина (очерки Синей Маски (Венедикта Марта) «Харбинские трущобы»). – Текст : непосредственный // HOMO ITER: Путешествие как феномен культуры: коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / Под науч. ред. Е.М. Болдыревой, Чжоу Се, Фаньюня Го. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. – С. 34–44 (0,6 п.л.).
21. Землянская К.А. Образ восприятия Японии и японцев в раннем творчестве В. Марта. – Текст : непосредственный // Русская классическая и неклассическая литература: Текст, контекст, рецепция: сборник статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Вениаминовича Агеносова (г. Ярославль, 23–25 ноября 2023 г.): в 2 ч. Ч. 2 / под науч. ред. д-ра филол. наук Т.Г. Кучиной, д-ра филол. наук А.С. Бокарева, канд. филол. наук М.Ю. Егорова, канд. филол. наук Н.Ю. Букаревой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. – С. 59–66 (0,8 п.л.).